

ные», «хвост жилы», «подъемная машина», «бадья», «тележка», «короб», «клюка», «очап», «ворот», «корыто», «шест», «худой воздух» (газ), «толчей», подобные «хлебным толчеям», «скребок», «перемывка руд», «лохань», «обжигательная печь», «огарки рудяные», «бляшки», «обочейка или ободок», «каменные протенки», «горные уголья», «шкварины», «накипи», «ноздри горы», «сосняки», «ельники», «березники», «поскотина» (пастбище), «оконничники» (стекольщики) и мн. др.

Иностранные термины, употребленные в работе, обычно сопровождаются соответствующими толкованиями: «шахт, то есть глубокая яма» (V, 446); «штольня, или горизонтальный ход» (V, 447); «железную руду плавят в особливых печах, которые домнами называют» (V, 508).

Простота терминологии и ясность изложения обеспечивали этому труду Ломоносова абсолютную общедоступность для всякого грамотного человека. Опубликованный в 1763 г., он долгое время служил для многих русских промышленников важнейшим практическим руководством по геологической разведке и технологии металлургии.

Смелость в использовании просторечной лексики в научных сочинениях подчас просто поразительна. В сугубо-научном трактате «Явление Венеры на Солнце», отмечая поразившее его явление, натолкнувшее на догадку о существовании на Венере атмосферы, Ломоносов пишет: «При выступлении Венеры из Солнца, когда передний ее край стал приближаться к солнечному краю и был... около десятой доли Венерина диаметра, тогда появился на краю солнца пупырь» (IV, 368). Его ничуть не смущает, что слово «пупырь», т. е. «пузырь», самое что ни на есть просторечное и его соседство с научными терминами (диаметр и др.) нарушает единство слога. Формальные требования стилистической нормы уступали у Ломоносова требованиям наиболее точного и ясного выражения мысли. Он всегда оставался верным требованию, высказанному в его «Риторике»: «Больше должно наблюдать явственное и живое изображение идей, нежели течение слов» (VII, 245).

Рассмотренные нами примеры заимствованы из произведений, относящихся к «среднему стилю», в котором, как уже отмечалось, требовалось соблюдать «всевозможную равность» в отношении языка, не допуская смешения церковнославянских слов с просторечными. Если же мы обратимся к сочинениям Ломоносова, которые в соответствии с теорией «трех стилей» подпадают под понятие «низкого штиля», то увидим здесь такую свободу от всяких искусственных литературно-стилистических условностей, такое разрушение всяких граней между письменной и живой устной речью, какое можно встретить разве только в сочинениях Ивана Грозного и протопопа Аввакума. Наиболее ярким примером в этом отношении может служить уже упоминавшееся письмо «О сохранении и размножении российского народа», поражающее не